

РАЗДЕЛ III. Филологический анализ текста: традиции, типы, конкретные разборы

ББК 83.3(2)

УДК 882-1Костров

А. Г. Маслова¹,

Вятский государственный университет

ag.maslova@mail.ru

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ 81-ГО ПСАЛМА В ПОЭЗИИ Е. И. КОСТРОВА²

В статье анализируются «Стихи на день восшествия на престол Екатерины II» (1796) Е. И. Кострова, выявляются типологические переключки произведения с 81-м псалмом, стихотворением Г. Р. Державина «Властителем и судиям» и текстом «Анекдота», написанным Г. Р. Державиным в связи с неправильным толкованием его переложения псалма при дворе императрицы.

Ключевые слова: русская поэзия XVIII века, Е. И. Костров, Г. Р. Державин, библейская тематика и образность, литературный диалог, творческие переключки поэтов-современников

Известно, что переложение псалмов занимало существенное место в русской поэзии XVIII века, при этом поэты выбирали из Псалтыри именно те тексты, которые могли отразить их индивидуальные переживания в тот или иной момент. Как отметил А. В. Западов, уже М. В. Ломоносов подходил к псалму не как к религиозному тексту, а исходя из желания «как-то выразить свои чувства и мысли по поводу жизненных обстоятельств» [5, 98]. Особый подход к библейским псалмам был и у А. П. Сумарокова, о чем писал Г. А. Гуковский: псалмы Сумарокова – это «лирические песни о человеке, изнемогающем под бременем жизни и ненавидящем порок» [3, 56]. Большое место занимали псалмы и в творчестве Г. Р. Державина. Одним из самых известных переложений стало

---

¹ Маслова Анна Геннадьевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения, ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», г. Вятка

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Творчество Е. И. Кострова в контексте русской поэзии XVIII века» № 17-04-50062-ОГН

переложение 81-го псалма, причисленного к формирующейся в екатерининскую эпоху гражданско-обличительной поэзии: это стихотворение «Властителем и судиям», включенное автором в рукописное собрание своих сочинений, преподнесенных Екатерине II в 1795 году, было воспринято императрицей как «якобинское». О державинском переложении 81-го псалма, о творческой истории этого произведения, о новациях поэта, введенных в библейский текст, написано множество работ как авторитетными учеными XIX–XX веков, так и современными исследователями (см.: [2,4,8,10,12,13]). Обращаясь к интерпретации мотивов 81-го псалма в творчестве Е. И. Кострова, мы не случайно упоминаем имя Г. Р. Державина. На наш взгляд, именно последняя редакция переложения 81-го псалма 1795 года (а к этому тексту Державин обращался неоднократно, и разные варианты публиковал и в «Санкт-Петербургском вестнике» в 1780 году, и в «Зеркале света» в 1787 году), стала поводом для появления произведения Е. И. Кострова, ставшего предметом анализа в данной статье.

Творческие переключки между Г. Р. Державиным и его современником Е. И. Костровым возникали регулярно, что показано в исследованиях К. Г. Бронникова [1, 31–36], А. А. Клепцовой [6]. В один и тот же год и Г. Р. Державин, и Е. И. Костров обратились к переложению 18-го псалма (см. об этом: [9]). Закономерно и то, что аллюзии к 81-му псалму в поэзии Е. И. Кострова возникли неслучайно. Так, двусмысленная ситуация, сложившаяся вокруг державинского переложения 81-го псалма, вызвала отклик в творчестве Е. И. Кострова, написавшего в 1796 году «Стихи на день восшествия на престол Ея императорского величества Екатерины II», открывающиеся следующими строчками:

Облекся в громы Бог, ста в сонме он Богов,
И рек: коль правдою не судите вселенной,
И нет в вас истины для сирых и для вдов,
И всюду царствует дух лести ухищренной –
На Север днесь свои прострите очеса,
Да светлостью его они приозарятся... [7, 170].

Аллюзия на 81 псалом здесь очевидна, и Е. И. Костров, включаясь в диалог со своим современником, предлагает свою интерпретацию псалма, зазвучавшего под пером Г. Р. Державина как обвинительный акт царям, не исполняющим свой долг перед подвластным им народом. Знаменательно то, что у Кострова, как и в державинском переложении, показан Бог в гневе – Бог «облекся в громы», чтобы карать нечестивых, – и так же,

как в державинском переложении, возникает мотив двуличности неправедных судей. Напомним, что именно в державинской интерпретации актуализируется тема возмездия, отсутствующая в псалме: в библейском тексте – «Восстань, Боже, суди землю» [Пс. 81, 8], в державинском – «Приди, суди, карай лукавых». У Г. Р. Державина неправедные «земные Боги» названы «лукавыми», у Кострова подчеркивается царящий в их сердцах «дух лести ухищренной», подобного мотива в библейском тексте нет. Все это позволяет говорить о том, что Е. И. Костров вступает в диалог не столько с библейским текстом, сколько с произведением, созданным его современником и вызвавшим несправедливые нападки со стороны самой императрицы. Возможно, Костров, следящий за судьбой и поэтическими открытиями своего современника, намеренно начинает свои похвальные стихи в адрес Екатерины строчками, отсылающими к скандальному переложению Державина. На наш взгляд, Е. И. Костров стремится оправдать уважаемого им поэта и показать, что гневные строки обвинения в адрес неправедных «земных богов» вовсе не обязательно должны быть направлены против конкретных представителей власти: наоборот, неправедным царям и судьям могут быть противопоставлены добродетельные правители, каковой и предстает Екатерина II в стихах Е. И. Кострова. От лица Всевышнего в «Стихах на день восшествия на престол Ея императорского величества Екатерины II» звучат строки:

Екатерина мной возведена на трон.
Днесь, днесь спасение и слава будет россов,
Как царствами владеть – она подаст закон [7, 171].

Российская императрица предстает как образец истинного, добродетельного монарха. Гнев Всевышнего сменяется умиротворением, когда он направляет свой взор в Северный край, где царствует Екатерина, послушная воле Творца и принесящая своим подданным «милость, правду, суд».

Возникший в первой строке мотив «грома» как гнева Божьего, становится сквозным в анализируемых стихах Е. И. Кострова. Гром этот в лице россов и Екатерины направлен на «злое коварство» и символически передан в образе орла:

Парит пернатых вождь к подоблачным странам,
Шумят его крыле, гнетут противных страхом,
Наводит мрачный сон завистливым очам
Единым грозным он победоносным махом [7, 171].

Очевидно, что орел здесь символизирует Россию. Но можно увидеть и еще одну аллюзию, связанную с державинским

переложением 81-го псалма. Известно, что Державин вынужден был оправдываться перед императрицей, и в свое оправдание он распространил при дворе записку под названием «Анекдот», которая завершается следующей фразой: «Орел открытыми глазами смотрит на красоту солнца и восхищается им к высочайшему парению; ночные только птицы не могут сносить без досады его сияние» [2, 115]. Отбирая иллюстрации для своих сочинений, Державин выбрал для стихотворения «Властителем и судиям» рисунок А. Н. Оленина, на котором орел держит весы правосудия. Эти параллели могут объяснить появление в стихах Е. И. Кострова образа царственной птицы, парящей в подоблачную высоту, а также включение мотивов зависти и «мрачного сна»: в державинском «Анекдоте» орлу противопоставлены *ночные* птицы, которые не могут «без *досады*», то есть без обиды и зависти к парящему орлу, переносить сияние солнца.

Стихи Е. И. Кострова – это, конечно, не переложение псалма, но мотив суда всевышнего, центральный в 81-м псалме, актуализирован в тексте, причем прямо подчеркивается символическим образом грома: Бог «облекся в грома», а орел – грозный «грома друг», «громоносаца друг» – несет волю Всевышнего на землю. Россия в тексте Е. И. Кострова представлена не как завоеватель, а как рука Бога, несущего возмездие лстивым и нечестивым:

Коль тщетно Запад, Юг, и Север, и Восток,
Вы изощряете противу Россов стрелы!
Пребудет Россом Росс... непобедим, высок,
Трофей – честь его, вселенная – пределы [7, 172].

Параллельно появляется и мотив милости к «невинным» и «бессильным», а именно – к побежденным, со смирением отдающимся воле милосердной Екатерины. В псалме мы видим следующие строки: «Давайте суд бедному и сироте; угнетенному и нищему оказывайте справедливость; избавляйте бедного и нищего; исторгайте [его] из руки нечестивых» [Пс. 81, 3–4]. В соответствии с этим наказом поступает российская самодержица. Знаменательно появление в стихах Е. И. Кострова образа «земных князей», готовых отдаться на милость Минерве (то есть Екатерине). Все пространства (а в стихах упомянуты турецкие земли и Дербент, «Запад, Юг, и Север, и Восток» [7, 172]), поверженные громом разгневанного Всевышнего, восставшего против неправедных «земных Богов», благословляют милосердную русскую монархиню, несущую в их земли «милость, правду, суд». Парящий орел «видит, как главы, главы земных князей / Под сень Минервина счита себя склоняют, / Сердец их слышит глас, как, в радости своей / И с умилением, Ее благословляют» [7, 171].

При изображении россов-победителей подчеркивается их милосердие («Но победители – как россы – милосерды» [7, 172]), а побежденные узрели «отрад своих денницу» [7, 172]. Екатерина представлена как «друг мира», «друг щедрот», «пример кротчайшей власти» [7, 171]. Очень значимым в данном контексте является эпитет «кротчайшая». В «Словаре русского языка XVIII века» даются следующие значения слова «кроткий»: «1. Смиранный, незлобивый, уступчивый. Выражающий незлобивость, смирение. Исполненный незлобивости, смирения. Снисходительный, исполненный терпимости, не строгий. 2. Мирный, спокойный; непритязательный, скромный (преимущественно в произведениях сентименталистов). Приятный для восприятия; не резкий, не раздражающий» [11]. Костров использует превосходную степень прилагательного «кротчайшая»: в высочайшей степени смиренная и снисходительная власть российской монархини, провозгласившей ценности милости и правды, противопоставлена «злобному коварству» неправедных и льстивых правителей.

Знаменательно, что в финале произведения Е. И. Кострова показано благоденствие наследников российского престола:

Там струны сладостны и арф и стройных лир
Гремят... под звуком их почий, чета младая!
Ты ласков, резв и быстр, целуй их сон, Зефир,
Целуй, небесны им восторги изливая [7, 173].

Идиллическая картина спокойной жизни счастливого царствующего семейства противопоставлена изображенным в «Стихах» сценам карающего неправедных грома Всевышнего. Так возникает антитеза мотивов небесной кары, представленной образом грома, сыплющегося на неправедных властителей, и Божественной милости, символически переданной в образе ласкового южного ветра Зефира.

Нам кажется не случайным тот факт, что 81-й псалом лег в основу стихов Е. И. Кострова, созданных в 1796 году – именно тогда, когда державинское переложение этого псалма вызвало скандал при екатерининском дворе. Возможно, что «Анекдот», написанный Державиным в свое оправдание, распространился не только при петербургском дворе, но и среди московских любителей поэзии и стал известен Е. И. Кострову, так искусно включившему в свои стихи и тему возмездия неправедным «земным князьям», и мотив спасения от бед смиренных, невинных и бессильных, и образ орла, без страха парящего к солнцу и исполняющего волю Всевышнего. Искусство Е. И. Кострова сказалось в том, что строки псалма, воспринимаемого его современниками как обвинительный акт

«земным Богам», получили противоположную интерпретацию. Умение властителя следовать воле Творца, править, сообразуясь с провозглашенными Всевышним законами милости и правды, достойно высочайших похвал и отмечено самим Богом.

Литература

1. Бронников, К. Г. Поэт осмнадцатого столетия. Творческий путь Е. И. Кострова / К. Г. Бронников. – М.: Прометей 1997. – 80 с.

2. Грот, Я. К. Комментарии к стихотворению Г. Р. Державина «Властителям и судиям». Приложение к оде «Властителям и судиям» / Я. К. Грот // Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. – Т. I. – СПб.: в тип. Императорской Академии Наук, 1864. – С. 109–115.

3. Гуковский, Г. А. Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века / Г. А. Гуковский. – М.: Языки русской культуры, 2001. – 352 с.

4. Доссэ, Т. Г. Жанр переложений псалмов как воплощение лирического начала в литературе XVIII века / Т. Г. Доссэ // Взаимодействие вуза и школы в преподавании отечественной литературы: материалы II межрегиональной научно-практической конференции. – Ярославль: Ярославский гос. пед. ун-тет. им. К. Д. Ушинского, 2008. – С. 43–48.

5. Запов, А. В. Поэты XVIII века (М. В. Ломоносов, Г. Р. Державин) / А. В. Запов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. – 312 с.

6. Клепцова, А. А. Г. Р. Державин и Е. И. Костров / А. А. Клепцова // Г. Р. Державин и диалектика культур: материалы Международной научной конференции, Казань, 11–13 декабря 2016 г. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2014. – С. 167–170.

7. Костров, Е. И. Полное собрание всех сочинений и переводов в стихах г. Кострова: в 2 ч. / Е. И. Костров. – Ч. 1. – СПб, Императорская типография, 1802.

8. Кочеткова, Н. Д. «Правосудие» и «милость» в поэзии Г. Р. Державина / Н. Д. Кочеткова // XVIII век. – Сб. 20. – СПб.: Наука, 1996. – С. 79–86.

9. Маслова, А. Г. «Доказательство творческого бытия» Г. Р. Державина и «Переложение псалма 18» Е. И. Кострова / А. Г. Маслова // Г. Р. Державин и диалектика культур: материалы Международной научной конференции, Казань, 11–13 декабря 2016 г. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2014. – С. 173–176.

10. Ситникова, Г. В. Духовная проблематика од Г. Р. Державина. К 200-летию преставления // «Ищите же прежде Царствия Божия и правды его» (Мф. 6:33): материалы XII Международного форума «Задонские Свято-Тихоновские

образовательные чтения» (20–22 октября 2016 г.; г. Липецк–Задонск). – Липецк: ЛГПУ им. П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2017. – С. 157–161.

11. Словарь русского языка XVIII века / АН СССР. Ин-т рус. яз.; Гл. ред.: Ю. С. Сорокин. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1984–1991. – СПб.: Наука. С.-Петербург. отд-ние, 1992–2011. [Электронный ресурс] <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/>

12. Трофимова, Н. В. «За правду чтить меня ты будешь...»: О стихотворении Г. Р. Державина «Властителем и судиям» / Н. В. Трофимова // Рус. речь. – 1989. – № 5. – С. 121–126.

13. Ширмина, А. О., Поташова, К. А. Этический пафос религиозно-философской поэзии Г. Р. Державина / А. О. Ширмина, К. А. Поташова // Актуальные вопросы научной и научно-педагогической деятельности молодых ученых: сборник научных трудов III Всероссийской заочной научно-практической конференции. – М.: Изд-во МГОУ, 2016. – С. 18–21.

INTERPRETATION OF THE 81ST PSALM
IN THE E. I. KOSTROV'S POETRY

Anna G. Maslova

Abstract

The article not only analyzes E. I. Kostrov's "Poems on the day of accession to the throne of Catherine II" (1796). But also reveals typological references with the 81st psalm, poems by G. R. Derzhavin "To sovereigns and judges" and the text of the "Anecdote" written by G. R. Derzhavin in connection with the misinterpretation of his alteration of the psalm at the empress's court.

Keywords: Russian poetry of the 18th century, E. I. Kostrov, G. R. Derzhavin, Bible subjects and imagery, literary dialogue, creative rolls of contemporary poets

Acknowledgements: This research is supported by the Russian Foundation for Basic Research, research project 17-04-50062-ОГН "Creative work of E. I. Kostrov in the context of Russian poetry of the 18th century"

Поступила в редакцию 14.10.2018